Р. БРАНДТ.

ЛЕНОРА, ЛЮДМИЛА и НЕРИНА.

ЗАМѢТКА

по Польской литературѣ.

Оттискъ изъ „Русскаго Филологическаго Вѣстника“.

ВАРШАВА.
Типографія Варшавскаго Учебнаго Округа.
Краковское-Предмѣстье № 3.

1896.

Дозволено Цензурою.
Варшава, 12 октября 1896 г.

Ленора, Людмила и Нерина.

Замѣтка по Польской литературѣ.

Первыя два имени в заглавіи настоящей статьи — это названія всемірно-извѣстной баллады Бюргера и хорошо извѣстной в русской литературѣ, передѣланной из Бюргеровской, баллады Жуковскаго [1]). Третьим именем, „Нериной", озаглавлена баллада польскаго второстепеннаго поэта Ѳомы Зана [2]), университетскаго товарища и друга Мицкевича, которая представляет интерес как родоначальница польских стихотвореній этого рода, разбудившая и дремавшій геній самого Мицкевича [3]).

„Нерина", по свидѣтельству Антона Эдуарда Одынца, была написана под свѣжим впечатлѣніем неизвѣстной

---

[1]) Вспомним кстати, что Жуковскій на основаніи той же „Леноры" написал свою „Свѣтлану", а также дал и перевод самой „Леноры".

[2]) О Занѣ есть статья Макушева: „Забытый польскій поэтъ"—Славянскій ежегодник, год III, Кіев 1878.

[3]) Piotr Chmielowski (Studya i szkice z dziejów literatury polskiéj. Serya II. Kraków 1886. III. Ballady Tomasza Zana — статья, помѣченная 1884 годом, — стр. 204). Хмелёвскій впрочем указывает на то, что польскія баллады появились уже нѣсколько ранѣе, но прошли незамѣченными.

до тѣх пор виленской молодёжи „Людмилы“, а именно около 1818 года [1]). Баллада эта, как мы читаем у Хмелёвскаго, и есть подражаніе „Ленорѣ“ [2]), или же „Ленорѣ“ вмѣстѣ с „Людмилою“ [3]).—Хмелёвскій внимательно сличил Нерину с Ленорою, но странным образом не привлёк к дѣлу Людмилы. Между тѣм уже приведённые у него отрывки из Зановской баллады сразу напоминают именно передѣлку Жуковскаго. Это обстоятельство побудило меня дополнить этюд Хмелёвскаго сопоставленіем Нерины с Людмилою,—возможность чего мнѣ была дана любезностью проф. Евфимія Фёдоровича Карскаго, доставившаго мнѣ из Варшавы список малодоступной Зановской баллады [4]). Что́ же оказалось? Оказалось, что в Неринѣ нѣт ни одной подробности, ни одного выраженія, напоминающаго ближайшим образом Бюргера, а замѣчается постоянное сходство с Жуковским. Сравним слѣдующія строфы [5]):

---

[1]) Одынец однако ошибался (что́ и отмѣчено Хмелёвским), когда называл Людмилу вновь появившимся в то́ время произведеніем: она вышла уже в 1808 году. — Упомянутый случай разсказан и у Спасовича. А. Пыпин и Вл. Спасович. Исторія славянских литератур, т. II, стр. 636.

[2]) Ballady Tomasza Zana, Studya i szkice, II, стр. 207.

[3]) Adam Mickiewicz. Zarys biograficzno-literacki. Tom I. Warszawa-Kraków 1886. Стр. 157. То́ же говорит, ссылаясь на Хмелёвскаго, И. П. Созонович: Ленора Бюргера и родственные ей сюжеты в народной поэзіи европейской и русской. Варшава 1893, стр. 167. Поизмѣнив сначала свой отзыв о Неринѣ, Хмелёвскій на стр. 239 опять называет её „растянутой передѣлкой Леноры“.

[4]) Напечатана она (значительно позже написанія) в 1824 году, в журналѣ „Dzieje dobroczynności krajowéj i zagranicznéj z wiadomościami ku wydoskonaleniu jéj służącemi“. Tom I. Wilno.

[5]) Приводимые отрывки из Зана и Бюргера перевожу по возможности дословно, не скрашивая выраженій своеобразных, или даже неловких.

Строфа I.

Нерина.

„Гдѣ же ты, милый, в какой сторонѣ? Может быть при чужой дѣвушкѣ, что̀ славится болѣе богатыми прелестями, пылает предательское твоё сердце? Может быть преждевременная могила, гася твои живыя привлекательности, покрыла дорогіе мнѣ останки?“ Так Нерина, жестоко измученная печалью, возглашает трогательныя жалобы, ожидая на дорогѣ, возвращается ли, украшенный лаврами, милый ея с татарской войны.

Ленора.

Ленора на зарѣ вскочила из тяжких снов: „Невѣрен ты, Вильгельм, или мёртв? Как долго хочешь ты медлить?“ Он с силами короля Фридриха отправился в пражское сраженіе и не написал, остался ли он здоровым.

Людмила.

„Гдѣ ты, милый? Что̀ с тобою? С чужеземною красою, знать, в далёкой сторонѣ измѣнил, невѣрный, мнѣ? Иль безвременно могила свѣтлый взор твой угасила?“ Так Людмила, пріуныв, к персям очи преклонив, на распутіи вздыхала: „возвратится ль он“, мечтала, „из далёких, чуждых стран, с грозной ратію Славян?“

Строфа II.

Нерина.

Видно пыль и туман вдали: приближается войско „в погонѣ“ [1]); слышно топот, ржаніе коней, звук трубы, бряцаніе стали; пылью покрыты панцыри, шлемы украшены лаврами . . .

Ленора.

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
И каждое войско, с пѣньем и распѣваньем, с литаврами и звоном и звяканьем, украшенное зелёными вѣтками, пошло восвояси к своим домам.

Людмила.

Пыль туманит отдаленье: свѣтит ратных ополченье; топот, ржаніе коней; трубный треск и стук мечей; прахом панцыри покрыты, шлемы лаврами обвиты . . .

---

[1]) W pogoni—здѣсь д. б. опечатка: или нужно z вм. w (из погони, с преслѣдованія Татар), или Зан написал wojsko Pogoni — войско литовскаго герба, литовское войско.

Нерина, стрф. IV.

„Что́ с тобой, моя Нерина?“, торопится спросить её мать. „Он погиб — о, несчастный час!“—Напрасно мать её утѣшает. „Милый, мать, не вернулся — небо к моим просьбам глухо: уже Спаситель нас бросил, вырвал у меня упованіе на счастье. Обѣты неисполнены, дары Провидѣнія безплодны. Нѣт, Творец міра жесток— всѣм несёт печальный конец!“

Ленора, стрф. V.

Мать, правда, к ней побѣжала: „Ах, чтобы Бог сжалился! Сердечное дитя, что́ с тобою?“ и заключила её в свои обьятія. „О мать, мать: пропало— так пропало: пропадай теперь свѣт и всё! У Бога нѣт милости: о горе, о горе мнѣ бѣдной!“

Людмила, стрф. IV.

„Что́ с тобой, моя Людмила?“, мать со страхом возопила. „О, спокой тебя Творец!“— „Милый друг, всему конец! Что̀ прошло — невозвратимо! Небо к нам неумолимо, Царь небесный нас забыл . . . Мнѣ ль он счастья не сулил? Гдѣ ж обѣтов исполненье? Гдѣ святое Провидѣнье? Нѣт, немилостив Творец—всё прости, всему конец!“

Нерина, стрф. V.

„Ах, Нерина, грѣх роптанье — страданіе идёт от Бога: он нас хочет испытать в бѣдѣ; плачем никто из мёртвых не воскреснет“.— „Мать, пусть Творец меня карает: вышло уже из сердца вѣрованіе. Несла я молитвы перед алтари, проливала потоки слёз“ . . .

Ленора, стрф. VI.

„Помоги, Боже, помоги! Взгляни на нас милостиво! Дитя, прочитай отченаш! Что̀ Бог творит, то̀ сотворено во благо. Бог, Бог смилуется над нами“.—„О, мать, мать, пустой бред! Бог не сотворил мнѣ блага: что̀ помогло, что̀ помогло моё моленіе? Теперь в нём уже нѣт надобности“.

Людмила, стрф. V.

„О, Людмила, грѣх роптанье: скорбь — Создателя посланье; зла Создатель не творит; мёртвых стон не воскресит“.-„Ах, родная, миновалось: сердце вѣрить отказалось. Я ль, с надеждой и мольбой, пред иконою святой, не точила слёз ручьями?“ . . .

Нерина, стрф. VI.

„Рано я радовалась жизни—рано прелесть моя затьмевается, рано земля теряет при-

Ленора, стрф. IX и X.

„Потухни, свѣт мой, потухни на вѣки! Мри, мри в ночи и в ужасѣ! У Бога нѣт милосер-

Людмила, стрф. VI.

„Рано жизнью насладилась; рано жизнь моя затьмилась, рано прежних лѣт краса!

влекательность. Пошлю ли к Богу тщетныя завыванія, когда ему неугодно слушать моих просьб? Вернётся ли возлюбленный с неба?“ —„Дочь, это голос отчаянія, — вспомни, что надо умереть! Люди ведут краткую жизнь,— рай — награда болѣе терпѣливым, в аду достойная кара преступленія; будь же послушна приговорам“.

Нерина,
стрф. VII—VIII.

. . . . . .

Между тѣм уже солнце за горами, и уже ночь вошла со звѣздами, а печальная синева бросает на землю тѣнь. Уже изза рощ мѣсяц показал глазу своё блѣдное чело: раз он скрывает круг свой в облако, снова покажется из облака, от гор бросает длинныя тѣни; слабо начинает свѣтиться и чаща тёмных лѣсов, и пространствы быстрой воды; куда только взор обернётся, всѣм сон уже закрыл глаза̀, тихи горы и долина . . . Ради Бога! полночный час!

дія — о горе, о горе мнѣ бѣдной!“ —„Помоги, Боже, помоги! Не входи в суд с бѣдным твоим дитятей! Она не знает, что̀ говорит язык — не вмѣняй ей этого грѣха! Ах, дитя, забудь земное страданіе, и подумай о Богѣ и спасеніи! Так хоть душа твоя не будет лишена жениха“.

Ленора, стрф. XII.

. . . . . .

(Та́к Ленора безумствовала) до заката солнечнаго и до тѣх пор, как на небесной дугѣ взошли золотыя звѣзды.

Что̀ взирать на небеса? Что̀ молить неумолимых? Возвращу ль невозвратимых?“ — „Царь небес, то̀ скорби глас! Дочь, воспомни смертный час: кратко жизни сей страданье, — рай смиренным воздаянье, ад — бунтующим сердцам; будь послушна небесам!“

Людмила,
стрф. VII—VIII.

. . . . . .

Вот уж солнце за горами; вот усыпала звѣзда́ми ночь спокойный свод небес, мрачен дол и мрачен лѣс. — Вот и мѣсяц величавый встал над тихою дубравой: то из облака блеснёт, то за облако зайдёт; с гор простёрты длинны тѣни; и лѣсов дремучих сѣни, и зерцало зыбких вод, и небес далёкій свод в свѣтлый сумрак облеченны; спят пригорки отдалённы, бор заснул, долина спит... Чу! полночный час звучит.

Нерина, стрф. XI.

„Я там живу в тѣсном домикѣ; как только мѣсяц подымется и землѣ свѣт принесёт, когда полночный час пробьёт, мы сжимаем своих коней, покидая тёмную пещеру . .

Ленора, стрф. XV.

„Мы сѣдлаем только в полночь; я издалека пріѣхал сюда, из Богеміи“.

. . . . . .

. . . . . .

Людмила, стрф. XI.

„Близ Нарёвы дом мой тѣсный; только мѣсяц поднебесный над долиною взойдёт, лишь полночный час пробьёт, мы коней своих сѣдлаем, тёмны кельи покидаем“. . .

Нерина, стрф. XII.

. . . . . .

„Ѣдем, сто миль нам пути! Слышишь, конь рвёт свои удила, бьёт копытом, нетерпѣливый? — миг замедленія нам страшен. Кратка пора, время бѣжит, — ѣдем, потому что путь далёк“.

Ленора, стрф. XVI.

. . . . . .

„Мнѣ с тобой надо сегодня ещо проспѣшить сто миль до брачнаго ложа“.

Людмила, стрф. XII.

. . . . . .

„Ѣдем, нам сто вёрст ѣзды! Слышишь, конь грызёт бразды, бьёт копытом с нетерпѣнья? — миг нам страшен замедленья. Краткій, краткій дан мнѣ срок, — ѣдем, ѣдем, путь далёк!“.

Нерина, стрф. XIII.

„О, ночь уж давно прибыла, темнота ещо в самом разгарѣ [1]), ты слышишь бой на часах“. „И буря утихла, мѣсяц глядится в быстринах, вороной конь перебирает ножкой“. „Гдѣ ж твоё тѣсное жилище?“ „Там, над Бугом, в плодородной землѣ, тихое, хо-

Ленора, стрф. XVII—XVIII.

. . . „И слышь, ещо гудит колокол, который пробил уже одиннадцать“. „Смотри туда, смотри сюда! Мѣсяц ясно свѣтит, мы с покойниками быстро ѣздим...“ „Скажи, гдѣ твоя комнатка? гдѣ, как твоя брачная постелька?“ „Далёко, далёко отсюда! Тихая,

Людмила, стрф. XIII.

„Ночь давно ли наступила? Полночь только что пробила—слышишь? колокол гудит“. „Вѣтер стихнул, бор молчит; мѣсяц в водный ток глядится; мигом борзый конь домчится“. „Гдѣ ж, скажи, твой тѣсный дом?“ „Там, в Литвѣ, краю чужом: хладен, тих,

---

[1]) Gwar — здѣсь мало умѣстное — собственно шум, гул многих голосов, толпы.

лодное постоянно, покрытое свѣжими травами, четыре стѣны облекает креп—ѣдем, потомучто путь далёк".

прохладная и маленькая: шесть досок и двѣ досочки".

уединенный, свѣжим дёрном покровенный: саван, крест и шесть досо́к. Ѣдем, ѣдем — путь далёк".

Нерина, стрф. XVI [1]).

Слышно шорох тѣней умёрших: покинув склады своих прахов, собранныя в многочисленныя толпы, онѣ висят в вѣчном пространствѣ, а с поздним восходом мѣсяца, лёгким хороводом, сплетённыя в бездушную цѣпь, занимают высокую сторону. . . .

Ленора, стрф. XXV.

Смотри, смотри, на лобном мѣстѣ, вокруг веретена колеса, полузримая при свѣтѣ мѣсяца, пляшет воздушная сволочь [2]).

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Людмила, стрф. XVI.

Слышат шорох тихих тѣней: в час полуночных видѣній, в дымѣ облака, толпой, прах оставя гробовой, с поздним мѣсяца восходом, лёгким, свѣтлым хороводом, в цѣпь воздушную свились.

. . . . . .

. . . . . .

Нерина, стрф. XIX.

Что́ же Неринѣ казалось? Конь прямо направляется к могилѣ, внёс в неё рыцаря с дѣвицей. Тотчас из глухой земли загремѣло, стук издали доски гроба, кость с треском ударилась об кость, поднялась пыль и шумный туман, уже насыпь закрылась [3]), об-

Ленора, стрф. XXX.

А, глядь! А, глядь! В миг (у, у, гадостное чудо!) всадников воротник, кусок за куском, отвалился, как рыхлый трут. Черепом, без косы и вихра, голым черепом стала его голова, его тѣло—костяком с песочными часами и с косою [4]).

Людмила, стрф. XIX.

Что́ же чудится Людмилѣ?.... К свѣжей конь примчась могилѣ, бух в неё и с сѣдоком! Вдруг глухой подземный гром, страшно доски затрещали, кости в кости застучали, пыль взвилася, обруч хлоп —тихо, тихо, вскрылся гроб... Что́ же, что́ в очах Людмилы?....

---

[1]) В подлинникѣ эта строфа (очевидно по типографскому недосмотру) помѣнялась мѣстами с XVII-ою.

[2]) Именно „сволочь", хотя это и прозаично: у Бюргера — Gesindel.

[3]) В виду русскаго „вскрылся" хотѣлось бы читать „открылась"—Już się mogiła otwarła, что́ шло бы лучше к послѣдующему, однако не шло бы к предыдущему.

[4]) Винюсь, что не сумѣл избѣжать неловкости, происходящей

раз истинный погибели! Ах, Нерина, гдѣ твой милый? гдѣ твои вѣнки, брачныя розы? Могила тебѣ домом, ложе с трупом.

Ах, невѣста, гдѣ твой милый? Гдѣ вѣнчальный твой вѣнец? Дом твой — гроб, жених — мертвец.

К этим болѣе длинным отрывкам можно присоединить ещо нѣкоторые отдѣльные стихи и выраженія, ближе подходящіе к Людмилѣ, нежели к Ленорѣ, или даже вовсе отсутствующіе в послѣдней. Таковы слѣдующіе: „Гдѣ́ же, Нерина, твоя радость?“ и „Гдѣ́ твоя, Людмила, радость?“ (стрф. III), чему у Бюргера нѣт соотвѣтствія. „Ты это, милый, в полуночную пору?“, у Жуковскаго: „Ты ль? Откуда в час полночи?“ (стрф. X) [1]), а у Бюргера: „Ах, Вильгельм, ты? ... Так поздно ночью?“ (стрф. XIV). Конь и бѣгом и лѣтом через многочисленную толпу гор, долин бѣжит ... катится за ним пыль клубами ... дрожат под ним гудящіе мосты, в Людмилѣ: Скоком, лѣтом по долинам, по буграм и по равнинам ... пыль кати́тся вслѣд клуба́ми, ... с громом зыблются мосты (стрф. XIV), в Ленорѣ же сходно (с обоими подражаніями) одно лишь выраженіе „как гремѣли мосты“ (строфа XX). „Не страшно тебѣ со мной?“, у Жуковскаго: „Страшно ль, дѣ́вица, со мной?“ (стрф. XV и XVII), а у Бюргера (стрф. XX, XXIV и XXVII): „И жутко ли милой?“ („Graut Liebchen auch?“). С приближеніем утра в Неринѣ „мѣсяц изнемогает со своим блеском“ и в Людмилѣ „Мѣсяц в облакѣ потух“ (стрф. XVII), в Ленорѣ же (стрф. XXVIII) о мѣсяцѣ вовсе не говорится, а в слѣдующей строфѣ он о с в ѣ щ а е т могильные камни. На кладбищѣ Нерина видит (стрф. XVIII) „камни, мо-

---

здѣсь от совпаденія нѣмецких слов Zopf и Hippe (обыкновенно Sense), в нашем разнозначном „коса“.

[1]) У Зана м. б. и ещо ближе: „в пору полуночи“. См. ниже стр. 14, пр. 1.

гильные холмы, кресты, посреди их стоит часовня", также и перед Людмилой „ка́мней ряд, кресты, могилы, и среди их Божій храм", а Ленора с Вильгельмом „скакали по могилам, и кругом бѣлѣли могильные камни" (стрф. XXIX). Как у трупа Неринина жениха „очи далёко вдавлены, мёртвый взор на половину открыт, руки сложены на крест", так и у Людмилина: „впалы мёртвыя ланиты, мутен взор полуоткрытый, руки сложены крестом" (стрф. XX), а в „Ленорѣ" совсѣм не то. В послѣдней строфѣ (у Зана и Жуковскаго XXI, у Бюргера — XXXII) ближайшее сходство польскаго стихотворенія с русским состоит в том, что Заповскіе духи „завыли страшными хорами", при чом в пѣсни своей осуждали „ропот смертных" — в Людмилѣ: Тихій страшный хор завыл: „смертных ропот безразсуден"; в Ленорѣ же близко (притом к обѣим передѣлкам) лишь одно выраженіе, что духи „завыли" свою пѣсню.

Зависимость Зана от Жуковскаго ещо рѣзче выступает в нѣкоторых отдѣльных словах, вызванных несовсѣм вѣрным пониманіем русскаго текста, или же увлеченіем при передачѣ его, вмѣсто смысла, подобозвучностью слов. Так оговорённая мною в примѣчаніи 3 к стр. 7, нѣсколько не во время закрывающаяся могила обьясняется тѣм, что польскій стихотворец отождествил наше слово гроб с польским grób, вмѣсто trumna. „Пространствы быстрой воды", в VIII строфѣ, явно обязаны своим происхожденіем внѣшней близости польскаго прикладка szybki к русскому зыбкій. (Неправильнаго пониманія здѣсь д. б. не было: вѣдь в XIV строфѣ зыблются вѣрно передано посредством drżą). Подобный же случай представляет „бездушная цѣпь" привидѣній (стрф. XVI): выраженіе совсѣм дикое, и обьяснимое лишь как механическое воспроизведеніе „воздушной цѣпи" Жуковскаго [1]).

---

[1]) Хмелёвскій, приводя этот стих, не даром отмѣчает слово bezduszny курсивом.

Тѣсная связь Нерины с Людмилою, особенно ясная в приведённых мѣстах, сказывается повсюду: всѣ отступленія ея от Леноры, указываемыя Хмелёвским [1]), общи ей с Людмилою [2]): Зан слѣдует Жуковскому строфа за строфою (читатель конечно замѣтил, что в приведённых мною отрывках Нерина и Людмила, расходясь обыкновенно с Ленорою по нумераціи строф, совпадают между собою); вмѣстѣ с тѣм строфы у Зана и у Жуковскаго одинаковой величины — в 12 строк, тогда как у Бюргера онѣ 8-мистрочныя. И самый размѣр стихов—приблизительно 4-стопный хорей — сближает Нерину с Людмилою и отличает от Леноры, писанной ямбами (также 4-стопными); хотя это могло быть вызвано просто свойствами Польскаго языка, болѣе способнаго к хореям, нежели к ямбам.

Итак я считаю себя в правѣ утверждать, что Зан взял себѣ в образец Жуковскаго, не уклонялся от него ни в чом существенном [3]), а мѣстами даже очень близко переводил его; Бюргера же он вовсе не знал.

Сдѣланныя здѣсь сопоставленія вполнѣ подтверждают упомянутый в началѣ этой статьи разсказ Одынца о вліяніи, которое оказал на польских поэтов Жуковскій [4]); разсказ, на коем, и при сильном развитіи науч-

---

[1]) Эти отступленія, за немногими исключеніями, вошли в выписки, дѣлаемыя на предыдущих страницах.

[2]) Нельзя не согласиться со Хмелёвским, что измѣненія почти всѣ были к худшему: так, очевидно, впослѣдствіи думал и сам Жуковскій, когда к своему подражанію Ленорѣ прибавил ещо и перевод.— Только описаніе ночи (стрф. VII—VIII) вызвало (опять-таки справедливое) одобреніе Хмелёвскаго.

[3]) Тò обстоятельство, что Нерина — полька, а Людмила — русская, нисколько не отзывается на общенародном обликѣ героини; да и в Бюргеровской Ленорѣ нѣт ничего типично-нѣмецкаго.

[4]) Чтобы показаніе Одынца подтверждалось уже, хотя бы в главных чертах, сопоставленіями Хмелёвскаго (Studya i szkice, seгya druga, стр. 207), я признать не могу; да вѣдь и сам

ной безстрастности, нельзя не остановиться с удовольствіем, как на одном из случаев дружнаго общенія враждующих братьев.

Роман Брандт.

Хмелёвскій (там же, стр. 206) счол возможным набросить на него тѣнь подозрѣнія, указав, что Одынец, помѣстив эпизод с Людмилою в „Письмах из путешествія (Listy z podróży)“, не воспроизвёл его в „Воспоминаніях из прошлаго (Wspomnienia z przeszłości)“. В другой, болѣе ранней статьѣ, помѣченной 1879 годом (Pogląd na poezyę polską w piérwszéj połowie XIX stulecia), Хмелёвскій утверждает, что анекдот о Людмилѣ не имѣет того значенія, которое иные ему придают, особенно потому, что никто не указал точной даты этого произшествія. Studya, II, 34—35.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Текстъ Зановской баллады NERYNA [1]).

I.

„Gdzieżeś, luby, w jakiéj stronie?
„Może przy obcéj dziewczynie,
„Co z bogatszych wdzięków słynie,
„Zdradliwe twe serce płonie?
„Może przedwczesna mogiła,
„Gasząc twe powaby żywe,
„Drogie mi zwłoki przykryła?“
Tak Neryna żale tkliwe,
Smutkiem udręczona srodze,
Głosi, czekając na drodze,
Wraca li, wawrzynem strojny,
Jéj luby z tatarskiéj wojny.

II.

Widać kurz i tuman w dali:
Zbliża się wojsko w pogoni;
Słychać tenten, rżenie koni,
Dzwięki trąby, brzęki stali;
Pyłem okryte pancerze,
Hełmy strojne wawrzynami -
Idą w szeregach rycerze;
Leci naprzeciw gromada
Starców, matek, żon z synami—
Każda z życia swoich rada.
Neryna roty przegląda—
Ach! nie widzi, kogo żąda.

III.

„W ostatniéj hufców kolei
Może mój luby dowodzi“—
Lecz całe wojsko przechodzi:
Niestety! niémasz nadziei.
Gdzież, Neryno, twoja radość?
Niéma, niéma wojownika,
Nie stało się ślubom zadość.
Gdy on zniknął, wszystko znika:
Powraca zalana łzami,
Z rozczochranemi włosami,
Jéj mowę łkanie przerywa,
Klnie Bogu i śmierci wzywa.

---

[1]) Здѣсь не воспроизводятся нѣкоторыя особенности тогдашней правописи, и кое-гдѣ измѣнены, не всегда удачно разставленные, знаки препинанія; прибавлена нумерація строф.

IV.

„Co tobie, moja Neryno?“
Matka zapytać się spieszy.
„Zginął! nieszczęsna godzino!“
Naprożno matka ją cieszy.
„Luby mój, matko, nie wrócił:
„Niebo moim prośbom głuche,
„Już nas Zbawiciel porzucił—
„Wydarł mi szczęścia otuchę:
„Obietnice niespełnione,
„Opatrzności dary płonne.
„Nie—Twórca świata okrutny,
„Wszystkim niesie koniec smutny“.

V.

„Ach, Neryno, grzech szemranie!
„Od Boga cierpienie idzie—
„On nas chce doświadczyć w bidzie,
„Płaczem nikt z martwych nie wsta-
[nie“.
„Matko, niech mię Twórca karze—
„Wyszło już z serca wierzenie:
„Niosłam modły przed ołtarze,
„Wylewałam łez strumienie,
„Z wiarą, miłością, nadzieją—
„Cóż teraz modły pośpieją?!
„Rozkoszy przeszłych nie wrócą
„I nieszczęść moich nie skrócą.

VI.

„Rano cieszyłam się z życia,
„Rano się wdzięk mój zaciemia,
„Rano powab traci ziemia,—
„Poślęż Bogu marne wycia;
„Gdy mych próśb słuchać nie raczy?
„Powróciż kochanek z nieba?!“
„Córko, to jest głos rozpaczy—
„Wspomnij, że umrzeć potrzeba!
„Krótkie życie ludzie wiodą,—
„Raj jest cierpliwszym nagrodą,
„W piekle zbrodni kara słuszna:
„Bądźże wyrokom posłuszna!“

VII.

„Co po niebieskiéj zapłacie?
„Niech piekła męki ponoszę!
„Z lubym tylko mam rozkosze:
„Z nim raj, choćby w nędznéj chacie;
„Chciał Bóg—jestem nieszczęśliwa,
„O, Bóg o nas zapomina“.
Tak szemrząc, Neryna wzywa
Boga, rząd jego przeklina.—
Wtém już słońce za górami,
I już noc weszła z gwiazdami,
A na ziemię rzuca cienia
Smutny błękit ze sklepienia.

VIII.

Już zza gajów księżyc oku
Pokazał swe blade czoło—
Raz kryje w obłok swe koło,
Znów się pokaże z obłoku;
Od gór rzuca długie cienie,
Słabo się świecić poczyna
I ciemnych lasów gęstwina,
I wody szybkiéj przestrzenie;
Gdzie się tylko wzrok potoczy,
Wszystkim sen już zawarł oczy,
Ciche góry i dolina,—
Przebóg, północna godzina!

IX.

A wtém od ciemnego lasa
Wietrzyk chłodnawy powiewa—
Trzęsą się wierzchołki drzewa,
I rycerz po polu hasa—
Rży i parska rumak kary.
Przyjeżdża. Neryna w ciszy
Głos i brzęk ostrogów słyszy—
Drży cała, nie dając wiary.
Otwiera małe okienka,
Widzieć, kto mówi, kto brzęka,—
Miesza z nadzieją obawę—
Widzi kochanka postawę.

X.

„Śpisz, Neryno? czyś wesoła?
„Oddałaś mię niepamięci,
„Czy łza twoja grób mój święci?
„Patrz, kochanek ciebie woła!“
„Tyśto luby w czas północny? [1])
„Ach, jeszcze od snu daleka
„Nie oschła z łez ma powieka!
„Pewnie król niebios z swej mocy
„Gdy mu troska ma sprzykrzyła,
„Ciebie tu do mnie przysyła,
„Gdzie mieszkasz? z jakiej przyczy-
[ny
„Późno wracasz w swe krainy?“

XI.

„Ja tam w ciasnym domku żyję;
„Jak tylko się księżyc wzniesie
„A światło ziemi przyniesie,
„Gdy północny czas wybije,
„Rumaki nasze ściskamy.
„Rzucając pieczarę ciemną,
„Na powietrze wylatamy,—
„Ty moja—pojedziesz ze mną.
„Niestety! już wyją sowy,
„Słyszysz głos przedporankowy,
„I słyszysz jak rze *koń srogi*, [2])—

„Jedźmy, jedźmy, bo czas drogi.“

XII.

„Nim pościąga noc swe sieci,
„Zaczekajmy do poranku:
„Zimno wiatr dmie bez przestan-
[ku,
„I chmura za chmurą leci.“
„Burze przejdą, nie miej trwogi,
„Pogoda swe wzniesie skrzydła,—
„Jedźmy: sto mil mamy drogi.
„Słyszysz, koń rwie swe wędzidła?
„Tnie kopytem, niecierpliwy?
„Moment spóźnienia straszliwy;
„Krótka chwila, czas ucieka,—
„Jedźmy, bo droga daleka!“

XIII.

„O, noc już dawno przybyła!
„Ciemność jeszcze w samym gwa-
[rze—
„Słyszysz bicie na zegarze.“
„I burza się uciszyła [3]):
„Księżyc w nurtach się przeziera,
„Czarny koń nóżką przebiera.“
„Gdzież twoje ciasne mieszkanie?“
„Tam nad Bohem, w żyznéj ziemi;
„Ciche, zimne bezprzestannie,
„Pokryte trawy świeżemi;
„Cztery ściany kir powleka,—
„Jedźmy, bo droga daleka.“

XIV.

Rycerz i Neryna wsiada,
Zbliżyła lice do lica,
Ręce na szyję zakłada,
Czule go ściska dziewica.
Rumak i biegiem i lotem
Przez gór, dolin liczne rzesze

---

[1]) Рифма и соотвѣтственный стих у Жуковскаго наводят здѣсь на чтеніе północy.

[2]) Курсив, а также перенесеніе союза I (как того требует размѣр) из 10-го стиха в 11-ый—по Хмелёвскому. Studya II, 210.

[3]) Стихи 3-ій и 4-ый я переставил, руководясь обычным расположеніем рифм, а также соотвѣтственным мѣстом у Жуковскаго.

Bieży - drży ziemia z łoskotem,
Kopytami iskry krzesze,
Toczy się pył za nim w kłęby,—
Pomija skały i dęby,
Pola, łąki, smugi, chrosty;
Drżą pod nim huczące mosty.

XV.

„Księżyc bieli ziemię ciemną;
„Do grobu tylko téj pory
„Kochanki wiozą upiory,—
„Czyż nie straszno tobie ze mną?
„A nuż ja cię głosem mylę—
„Nuż dom mój we wnętrzu ziemi?“
Szum rozbiegł się w całej sile
Między lasami ciemnemi;
Koń chrapie, boczy się, lęka,—
Odskoczył, cuglami brzęka:
W polu już ogień szeleszcze.
„Nie blizkoż dom?“ „Ach, nie je-
[szcze“.

XVI [1]).

Słychać [2]) szelest zmarłych cieni:
Rzuciwszy prochów swych składy,
W liczne zebrane gromady,
Na wiecznéj wiszą przestrzeni,
A z późnym księżyca wschodem,
Lekkim świateł korohodem,
W bezduszny łańcuch splecione,
Wysoką zajmują stronę;
Lub siadują wśród gałęzi,
Lub lekki ich strumyk więzi,
Lub chwałę bożą śpiewają,
Albo nad ludźmi czuwają.

XVII.

„Księżyc bieli ziemię ciemną;
„Do grobu tylko téj pory
„Kochanki wiozą upiory,—
„Czyż nie straszno tobie ze mną:
„Do mogiły z umarłemi?—
„Dom mój jest we wnętrzu ziemi!—
„Koniu mój, koniu, pospieszaj!
„Już czuję ranku powiewy—
„Koniu mój, głowy nie zwieszaj!
„Czuję zorze, ranne śpiewy,
„Księżyc z swoim blaskiem mdleje,—
„Koniu mój, koniu, kur pieje“.

XVIII.

„Blizkoż twój dom?“ „Już, już, mi-
[ła.“
Słychać jak drzewa szeleszczą;
Silnych wrot zapory trzeszczą,—
Rwie koń w podwórze, co siła.
Cóż widzi nędzna dziewica?
Kamienie, mogiły, krzyże,
W środku ich stoi kaplica.
Niesie koń i uchem strzyże,
Tętent po cmentarzu chodzi—
Strach się coraz większy rodzi.
Już i świt po nocnej porze:
Ranek przyniósł światła zorze.

XIX.

Cóż się Nerynie zdawało?
Koń prosto do grobu zmierza—
Wniósł weń z dziewicą rycerza.
Wnet z głuchéj ziemi zagrzmiało,
Stuk wydały deski trumny;

---

[1]) Строфы XVI-ю и XVII-ую я переставил по требованію смысла и согласно „Людмилѣ“.

[2]) Так, очевидно, нужно читать вм. słuchać; так пишет и Хмелёвскій.

Z kością się kość z trzaskiem starła,
Wzniósł się pył i tuman szumny,—
Już się mogiła zawarła,
Rzeczywistéj obraz zguby.
Ach, Neryno, gdzież twój luby?
Gdzie twe wieńce, ślubne róże?
Grób ci domem, z trupem łoże.

XX.

Widno powaby zmartwiałe,
Trup świeżym przysypan żwirem,
Na pół czarnym skryty kirem;
Straszne lica, usta białe,
Oczy daleko wtłuczone,
Martwy wzrok na pół otwarty,
Ręce na krzyż ułożone.
Rzekł jeszcze, na dłoni wsparty.
„Tu, Neryno, koniec drogi,
„Tu wiecznie spoczynek błogi;
„Kir—to jest odzież godowa,
„Ołtarzem—ziemia surowa".

XXI.

A wtém Neryna słabieje,
Wzrok się mroczy, a krew ścina—
Pada, jak świeża krzewina;
Z nią nikną szczęścia nadzieje[1]).
Tuman wzniósł się pod obłoki,
Wstają umarłe potwory,
Rzucają swój grób głęboki,
Strasznemi zawyją chóry:
„Próżne śmiertelnych szemranie—
„Bóg mądry, Opatrzność słynie,
„Usłyszał płacz, narzekanie;
„Czas przyszedł—Neryna ginie".

---

[1]) „Dla kogo?" не даром спрашивает Хмелёвскій Studya, II, 212.